

© 1991 г., СЭ, № 6

Н. И. Гаген-Торн

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ КАК ЭТНОГРАФ*

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) известен как поэт-символист. В начале творческого пути, еще студентом, Белый был близок к этнографии. Данное обстоятельство, а также несколько иное (более широкое) понимание этнографии как области познания, распространенное среди современников поэта, позволяют отметить некий этнографический аспект творчества Андрея Белого.

Борис Бугаев — сын профессора математики Московского университета Николая Васильевича Бугаева — рано ощутил интерес к науке. Окончив гимназию Поливанова, он поступил в Московский университет на естественный факультет. По университетской традиции тех лет студенты уже со второго курса выбирали направление дальнейшей специализации. Бугаева привлекали проблемы методологии и философии естественных наук. Однако в русской науке тех времен, как вспоминал сам поэт, «не было спайки естествознания с философией, естественной в Германии, где доктор естествознания именуется доктором философии, а у нас: коли ты философствуешь, изучай филологию, расселение племен меж притоками Припяти, коль читаешь ты Дарвина, то помалкивай о философии».

Б. Бугаев составил собственную программу обучения, согласно которой практическая работа сосредоточивалась в лаборатории, а формальная специализация была по этнографии, предмету живому, важнейшим элементом которого является культура. Этнографические занятия проходили под руководством Дмитрия Николаевича Анучина, крупнейшего в то время специалиста в области этнографии, антропологии, физической географии. Главной областью научных занятий Д. Н. Анучина была антропология, в предмет которой включалась вся совокупность естественно-исторических сведений о человеке: эволюция, сравнительная анатомия, биология, учение о расах.

Фундаментальные труды Анучина по изучению верований и обычаев айнов и приуральской чуди, исследования по аномалиям человеческого черепа и многие другие вошли в золотой фонд русской науки. А. Белый писал о нем: «... это был глубокомысленный, знающий, очень умный, и кроме того, просвещеннейший либеральный деятель». Д. Н. Анучин создал свою школу в Московском университете, основал ряд научных изданий: «Этнографическое обозрение» (1889 г.), «Русский антропологический журнал» (1900 г.), «Землеведение» (1894 г.); организовал этнографический музей, располагавшийся в здании исторического музея (современный ГИМ), куда студенты «бегали на Анучина».

Один из удивительных и малоизученных «уголков» науки о культуре минувших эпох — орнамент — очаровал и привлек студента Бугаева. Свое курсовое сочинение он мечтал посвятить орнаменту — «тогдашнему “иде фикс”: формальному методу в трансформе культур, по народам, эпохам, этапам развития. В это время наметились естественнонаучные подходы к анализу древности, интерес создавала трансформация морфологических линий орнамента, соотношение цветов, ...

* Предлагаемая статья взята из архива Нины Ивановны Гаген-Торн, старейшего этнографа и писателя. Работа не закончена, тем не менее редакция полагает, что она будет интересна читателю. Общий список использованной литературы дан в конце статьи (к сожалению, редакция не смогла уточнить выходные данные).

через этнографию я хотел связать оба конца разъезжавшихся ножниц (естествознание и искусство) в проблеме орнамента, изучаемого научно». Однако Анучин, полагая, что Бугаеву ближе проблемы географии, отговорил его заниматься орнаментом под предлогом неразработанности темы и отсутствия источников и убедил обратиться к изучению оврагов — проблемы острой и актуальной для сельского хозяйства России того периода. Бугаев начинает изучать отчеты земств по оврагообразованию, труды Докучаева и Масальского.

Специфика выбранной темы требовала собственных полевых исследований. В следующее же лето ему пришлось пройти немало дорог Тульской губернии, проводя массу обмеров и наблюдений по живым оврагам. Студенческие исследования оказали определенное влияние на его творчество в дальнейшем. В полевых условиях Бугаев близко познакомился с крестьянской жизнью. Да и могло ли быть иначе, если ему пришлось некоторое время жить в крестьянских избах, бродить по избитым проселкам и хлебным полям, видеть горе и радость деревенских жителей, вести разговоры с крестьянами Московской и Тульской губерний (темы этих разговоров политические, моральные, религиозные).

А. Белый при описании деревни в рамках стиха сочетает художественные приемы и почти научный подход, требующий скрупулезного отбора фактов, четкой их фиксации и классификации, наиболее полного освещения рассматриваемого явления. Из массы правдиво подмеченных деталей создается цельное, жизненное полотно, где прослеживается внутривокальная цепь со значительными экономическими и социальными «звеньями».

Стихи — обоснование собственных наблюдений, впечатлений и рассуждений поэта. Зрительно емкое изображение деревенского быта встает перед читателем в стихотворении «Поповна», посвященном З. Н. Гиппиус:

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом поповна
Идет на огород.

В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска —
Букетиками роз.

... ..
Над пыльной листвою,
Наряден, вымыт, чист, —
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Лукаво и жестоко
Блещат в лучах зари
Его младое око
И красные угри.

(Белый не боится давать столь бытовые детали, подмеченные им удивительно тонко и реалистично, легко вкрапленные в ткань стиха).

... ..
Вдали над косарями
Огни зари горят,
А косы лезвиями —
Горят, поют, свистят.

Там ряд избенок вьется
В косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Там длинный журавель.

(Не напоминает ли это по точности изображения этнографический дневник?)

Белый сумел не только описать быт, но и подметить процесс капиталистического расслоения деревни. В стихах он обращается к определенным социальным явлениям русской деревни начала XX века, пишет об уже многочисленном слое

безземельных крестьян — рождающемся сельском пролетариате, о тяжелой судьбе деревенских низов.

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По зверинным тропам
Спешит бобль-сиротинка
Ко святым местам.—
Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.

Разложение старой деревни сопровождалось ростом страшной напасти — пьянства, вызванной тяжелым положением крестьян.

Над расейскими широкими раздольями
Как пошла кидаться в люд хрестьянский кольями.

Мужикам, дякам, попам она поповичам
Из-под ног встает лихим Смрчком-Сморчовичем.

А и речи ее дерзкие, бессовские:
«Заведу у вас порядки не таковские;
Буду водочкой опаивать — угашивать:
Свое брюхо на напастях отрицивать».

Царское правительство поощряло пьянство: винная торговля, находившаяся в монополии государства, приносила огромные доходы казне.

Кабаки огнем мигают ночью долгою
Над Сибирью, да над Доном, да над Волгою,—

пишет А. Белый в одном из своих стихотворений. Страдания обездоленных крестьян нашли свое выражение в следующем фрагменте:

Парнек уходит во скитаньце,
Белы руки сложит на груди:

«Мое горе,—
Горе — гореваньце:
Ты за мною,
Горе,
Не ходи!»

Работая над оврагами, поэт многое узнал, многое пережил, навсегда оставив в душе своей боль о земле русской и судьбах ее народа.

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый далекий дымок.
Косматые в даях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.

(Подмечено многое: и полуголодная крестьянская жизнь, и страшные социальные проблемы — голод, поголовные эпидемии, вызванные неудовлетворительным медицинским обслуживанием, пьянство, высокая смертность населения.)

Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

От голода, холода, тут
И мерли и мрут миллионы.

Покойников ждали и ждут.
Пологие скорбные склоны.

Там смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

Цель ученого — собрать достаточное количество фактов, подтверждающих ту или иную теорию, «поймать» те или иные закономерности, движущие ими. Цель поэта — дать эти факты в обратном преломлении, органически сочетая то и другое. Его стихи как плод художественного творчества, безусловно, не являются «фотографией» действительной жизни. Этнография была для Белого ключом, открывавшим ему русскую деревню.

Умение точно фиксировать детали быта, своеобразная этнографичность художника сказалась и в прозе. В свое время Белому пришлось косвенно познакомиться с сектантским движением в России начала XX в. Собственные наблюдения, многочисленные материалы, публикуемые в печати тех времен, и собственное восприятие народного богоискательства воплотились в повести «Серебряный голубь», которую Белый опубликовал в издательстве «Скорпион» в 1910 г. «Серебряный голубь» является первой частью задуманной трилогии «Восток или Запад»: в ней рассказан лишь эпизод из жизни сектантов; но и эпизод этот имеет самостоятельное значение. Окончить задуманное поэту по ряду причин не удалось.

В повести поражает образность, с которой А. Белый показал не только сектантов, но и почву, дававшую столь мистические всходы.

Повествование начинается с описания села Целебьево в Троицын день: «...среди холмов оно да лугов; туда-сюда раскидалось домишками, прибранными богато, то узорной резьбой, точно лицо заправской модницы в кудряшках, то петушком из крашеной жести, то размалеванными цветиками, ангелочками; славно оно разукрашено плетнями, садочками, а то и смородиновым кустом и целым роем скворечников...». Несколько штрихов — но они заставляют родиться в нашем воображении наполненную живую пеструю картину.

Главный герой повести начинающий писатель Дарьяльский проводит лето у баронессы Граабеновой (бабушки своей невесты) в ее усадьбе с парком, парниками, с розами, с мраморными купидонами, обросшими плесенью. В повести два мира: барский с «хрустальным, чистым прудом», где плавают грустные утки; и простой, трудовой, поплеывающий семечками, грубый, страдающий, часто находящий утешение в мистике. Дарьяльский — интеллигент. Он чистый, добрый человек, влюбленный в оба мира сразу. Он любит свою невесту Катеньку, нежную возвышенную барышню, но увлечен и деревенским миром, воплощением которого является грубо скроенный образ Матрены-духовницы столяра Кудярова Митрия Мироныча, главы секты Голубей.

Белый пишет: «... герой моего романа "Серебряный голубь" — столяр Кудяров, полуэротик, полуфанатик, — не отображает точно секту хлыстов. Он был сфантазирован: в нем отразился пока еще не видный Распутин, еще не появившийся в Петербурге: тяжелая поступь, грубые черты, и в то же время, жгучие, дьявольские глаза Матрены вырывают Дарьяльского из мира изящных грез. Ловко расставленные "голубями" сети опутывают героя. Секта ждала второго рождения Христа. Согласно откровению Бога столяру, великая роль Богородицы, которая должна передать "тяжесть духовну людям на сладость", была уготована Матрене, а Дарьяльскому — суждено было стать избранником ее, свершителем божественной воли. И вот Дарьяльский в секте. Страшная, не понятная поэту власть сковывает тело и душу: он видит как летает серебряная птица, как бьет она крыльями и вонзается в тела молящихся, как развеваются белые одежды в исступлении падающих и вскакивающих людей. Приведем одну из сцен, где описана подготовка к тайному молению в доме купца Ерапегина:

«В бане была прохлада; в бане была тишина; баню не топили, но вся она, с наглухо закрытыми ставнями изнутри, сияла, светила, плавала в свете; посреди ее стоял стол, покрытый, как небо, бирюзовым атласом с красным нашитым посредине бархатным сердцем, терзаемым бисерным голубем; посреди стола стояла

пустая чаша, цветы, просфоры украшали тот стол; и березовые, зеленые прутья украшали серые стены; пред столом уже мерцали оловянные светильники; над оловянными светильниками сиял водруженный, тяжелый, серебряный голубь (когда дух осенял сестер и братьев, голубь срывался с древка, ворковал, порхал крылом, и играл в помещении банном); в соседней комнате, что поменьше, одиноко стоял аналой, ничем не убраный, на аналое том книга; в белом весь одеянии, с босыми ногами и с восковой над книгой зажженной свечой теперь, когда еще пусто все было, усердно. ... нет, не молился! — изступленно падал на землю столяр — падал и вновь с полу взлетал, взлетал и падал — с протянутыми руками, с белокаменным, с до ужаса восхищенным лицом — и разве лицо это было?...» Создание столь живой картины в нашем воображении, безусловно, предполагает знакомство с сектанством, с народным бытом.

Сознание Дарьяльского раздвоено. Но вот тает дурманящий сон. «Металлическая птица взлетает на жезл и замирает. Гаснет огонь в дьявольских глазах Матрены. Таинственные белые одеяния превращаются в нелепые балахоны. — Дарьяльский пробужден». Он собирается ехать в город для примирения с невестой, покинутой им. Бурной деятельностью секты Голубей заинтересовалась к тому времени полиция. Существующая в постоянном страхе община духовных братьев и сестер жестоко расправляется с тем, кто ее предал. Дарьяльский погибает.

В повести показано столкновение двух миров: усадьбы и деревни, изящной чистой барышни и отмеченной пороком духовницы, глубокой старины, выплывающей в образе мистической секты и новых революционных элементов, робкие очертания которых даны Белым на страницах повести (именно им должны были быть посвящены следующие части задуманной трилогии). Мы по-разному представляем себе их, по-разному слышим их речь. Андрей Белый в «Серебряном голубе» воссоздает два языка: крестьянский, и резко отличный от него язык интеллигенции, великолепно передан их колорит. Поэт пытается вскрыть психологические механизмы, действующие в сознании верующего, изобразить чувства его во время молений. А. Белый стремится дать наиболее полное изображение духовного мира сектантов, вплетая в прозу стихотворные вставки (духовные стихи, песни).

Все, о чем пишет Андрей Белый, выстрадано, созданный им пейзаж деревни, как рюкзак, тяжелым грузом висит на плечах. В произведениях поэта, затрагивающих тему деревни, перед нами возникает образ человека, жаждущего духовного исцеления Родины от тяжких недугов; образ поэта-ученого, анализирующего свои впечатления, очень горькие, о России начала XX в.

Довольно: не жди, не надейся,
Рассейся мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о Родина-мать,
В сырое, пустое раздолье
В раздолье твое прорыдать: —

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белый А. На рубеже двух столетий.
Белый А. Как мы пишем.
Белый А. Серебряный голубь. М., 1910 г.
Вместо предисловия.
Белый А. О себе как писателе (статья).